

УДК 94(571.5) «1916/1937»
DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-2-88-94

С. А. ПАПКОВ

Институт истории
Сибирского отделения
Российской академии наук
г. Новосибирск

ТРАГИЧЕСКИЙ МАРШРУТ БАРОНА ТИЗЕНГАУЗЕНА

Статья посвящена потомку старинного российского дворянского рода Д. О. Тизенгаузену. Дается описание основных этапов служебной карьеры и жизненного пути барона на посту вице-губернатора Оренбургской, Вятской губерний и Якутской области. Представлены его идейные позиции в отношении Февральской революции 1917 года и политической ссылки в Якутии. На основе новых источников проанализирован один из наиболее драматических периодов биографии барона, связанный с эмиграцией в Монголию, пребыванием в г. Урге и отношениями с генералом Унгерном.

Воспроизводятся также эпизоды последующих репрессий в отношении бывшего вице-губернатора, едва не закончившихся смертной казнью по решению Иркутской губЧК. Остаток жизни барона, проведенный под систематическим контролем спецслужб, стал характерным выражением судьбы большинства «социально чуждых» людей в Советской России.

Ключевые слова: революция, гражданская война, дворянство, барон Тизенгаузен, Урга, ВЧК, арест, ОГПУ, суд, ссылка.

Введение. Эпоха гражданской войны оставила тяжелое наследие в истории России в XX столетии. Ее разрушительные последствия проявились не только в огромном количестве жертв на полях сражений противоборствующих сторон. Не менее губительной для страны и ее граждан оказалась заданная ею политическая инерция, поскольку классовое противостояние и сведение счетов с поверженным противником продолжались еще два десятилетия, пока большевистская партия и ее агенты не завершили упорную борьбу за утверждение своей власти.

С современной историографии появляется все больше публикаций, посвященных жизненным коллизиям представителей российского дворянства в сталинском государстве, открываются новые имена жертв репрессий, восстанавливаются многие подробности жизни этого слоя сограждан [1–3].

Среди граждан России, в полной мере испытавших последствия революции и гражданской войны, пройдя все их этапы в статусе «контрреволюционеров», «вредителей» и «врагов народа», был представитель старинного дворянского рода Д. О. Тизенгаузен и его семья. Жизненный путь Тизенгаузенов и пережитые ими бедствия стали выражением общей судьбы целого слоя людей, сметенных революцией и превращенных в политических изгоев в собственной стране.

О судьбе барона Д. О. Тизенгаузена сформировался значительный объем материала в современной историографии [4–8]. Были описаны главные эпизоды жизни этого человека как государственного деятеля, показаны этапы служебной карьеры, изданы его литературные заметки о советской действительности 1920-х годов в Сибири. Вместе с тем некоторые фрагменты в биографии барона оставались вне поля зрения. Выявленные теперь новые архивные документы позволяют дополнить уже известные факты, чтобы составить более широкое представление об этой личности с незаурядной судьбой.

Жизненные циклы и репрессии. Дмитрий Орестович Тизенгаузен — потомок древней ветви остзейского дворянства [9–11] — родился в марте 1872 года в Петербурге. Получив хорошее образование (сначала военное, а затем гражданское) в столице империи и за границей, владея тремя европейскими языками, он поступил на государственную службу на должность неперменного члена Псковского губернского присутствия. После двух лет службы в Пскове барон получил новое назначение: с мая 1912 года становится вице-губернатором в Оренбурге, а с августа 1914-го — вице-губернатором Вятской губернии. Карьера в Вятке продолжалась до января 1916 года, завершившись своего рода административным наказанием в виде пере-

мещения в далекую восточную провинцию. Как отмечал Дмитрий Орестович в своей анкете, после одного «либерального выступления» на земском собрании его отправили на пост вице-губернатора Якутской области, где пришлось стать свидетелем и непосредственным участником революционных событий 1917 года. С этого периода жизнь барона, как и многих других царских сановников, приобрела хаотический характер с непредсказуемыми последствиями.

В январе 1917 года якутский губернатор Р. Э. фон Витте подал прошение об отставке и покинул пост по состоянию здоровья. Его полномочия перешли к барону Тизенгаузену. Но уже через месяц положение в стране изменилось настолько круто, что и в провинции исчезли все признаки прежней стабильности. 5 марта 1917-го Дмитрий Орестович телеграфирует в Иркутский окружной центр о том, что слагает полномочия и передает власть революционному органу — Комитету общественной безопасности, составленному из числа ссыльных эсеров, большевиков, меньшевиков и других представителей революционного движения. Областным комиссаром, управляющим Якутской областью, становится административный ссыльный большевик Григорий Петровский.

Местная печать так описывала начало наступившей эпохи: «Митинговщина, праздничная эйфория, демонстрации, всевозможные пустопорожные «съезды-говорильни», хоровое исполнение «Интернационала», перманентная пьянка, свобода нравов, перерастающая в откровенный разврат и распущенность нравов — все это захлестнуло несчастный Якутск, напоминало какую-то нескончаемую вакханалию, кошмарный карнавал длился до наступления долгожданной навигации» [5, с. 490].

Волна революционного возбуждения коснулась и вице-губернатора. На одном из допросов более позднего периода Дмитрий Орестович показывал: «После переворота в марте месяце 1917 года я по собственному почину явился на народное собрание под председательством Григория Ивановича Петровского, чтобы сдать свою должность и дать необходимые разъяснения по текущим местным и служебным вопросам. На этом собрании в присутствии всего народа я был поднят на руки политическими ссыльными и выслушал от них целый ряд благодарностей за мое к ним отношение»¹.

Но для служения новой власти барон Тизенгаузен больше был не нужен. Он покинул Якутск и направился на родину, в Петроград, вместе с гражданской женой Лидией Архангельской с намерением заново устроить свою жизнь. В Петрограде в это время происходило полное смещение старой администрации, поэтому прежним сановникам нужно было искать новые источники существования. Тизенгаузен устроился к своему родственнику Вейнеру, в лабораторию небольшого химического предприятия и оставался здесь до начала 1918 года. Именно с этого момента дальнейший жизненный маршрут 46-летнего экс-вице-губернатора и статского советника превратился в цикл драматических событий, последовательность которых привела его к неизбежной гибели.

Весной 1918 года, когда страна уже была расколота фронтами гражданской войны, жена барона получила известие из Тобольска о болезни своей матери. Лидия Александровна выехала в Сибирь, рассчитывая вскоре вернуться обратно. Но из-за боевых действий это оказалось невозможным. Не-

возможной стала и переписка с мужем. Не получая ответов на свои письма, Дмитрий Орестович выехал на поиски жены. Добравшись до г. Глазов, он нанял проводника, который окольными путями, минуя линию фронта через Уральские горы, привел его в Тобольск, находившийся в руках Белой армии. Тут он узнал, что Лидия Александровна выехала в Омск, где проживали ее хорошие знакомые и была возможность найти место службы. В конце августа 1919 года в Омск прибыл и Тизенгаузен.

В этот период Омск уже служил столицей Белого движения, куда стекались самые разнообразные элементы бывшей Российской империи — гражданские и военные чиновники, офицеры, предприниматели, лица свободных профессий, беженцы и их семьи. В их числе были также знакомые и прежние сослуживцы Тизенгаузена. По рекомендации бывшего губернатора фон Витте и служащего министерства внутренних дел Закревского барону было предложено занять должность управляющего Оренбургской губернией, хотя фактически управлять было нечем, так как область представляла собой обширный очаг гражданской войны. Дмитрий Орестович не принял этого предложения, но согласился стать уполномоченным МВД по урегулированию конфликтов между военными властями и гражданским населением в районе действий отрядов Дутова.

В конце октября он вместе с женой выехал к месту назначения. По прибытии в Кокчетав выяснилось, что Оренбургская армия отступает и силы Белого движения иссякают. Вслед за отступающими воинскими частями Тизенгаузен вынужден был двинуться еще дальше, сначала в Акмолинск, затем в Сергиополь², а оттуда — в Северный Китай, в г. Чугучак. Там он находился до мая 1920 года.

Надежд на возвращение на родину больше не оставалось; необходимо было думать о постоянной эмигрантской жизни. Барон и его супруга направились в Ургу, рассчитывая через территорию Монголии перебраться в Маньчжурию, в г. Ханькоу, к своему родственнику Унженину, занимавшемуся чайной торговлей. Продвигаясь в этом направлении, Тизенгаузен, как статусное лицо (хотя и бывшее), провел несколько встреч с сановниками китайских областей, установив с ними дружеские отношения.

Между тем положение продолжало ухудшаться. Монголия вслед за Россией также превратилась в территорию боевых действий с линиями фронта, с многочисленными разрозненными отрядами белогвардейцев, китайских оккупантов и обычных бандитских шайек, промышлявших разбоем. В этих условиях двигаться в Маньчжурию было крайне опасно. Тизенгаузен решил остановиться в Урге до лучшего времени. В монгольской столице образовалась небольшая русская колония из числа бывших дипломатических сотрудников, коммерсантов, чиновников и разного рода случайных людей. Частью этого круга стал и Тизенгаузен вместе с другими интеллигентами из России, искавшими взаимной поддержки во враждебной среде.

Внимание к Дмитрию Орестовичу вскоре проявил командующий белогвардейским отрядом генерал Унгерн, имевший свои политические расчеты относительно связей барона. Составленный позднее чекистский протокол описывал итоги их встреч следующим образом: «После захвата Урги Унгерном последний сделал Тизенгаузену визит и в последующее время зачастую к нему заезжал. В одно из побужденных посещений Унгерн, узнав, что Тизенгау-

зен знаком с правителем Китайского Алтая, настоял о написании ему рекомендательного письма к указанному правителю. Вынужденный исполнить просьбу боязнью репрессий со стороны Унгерна, Тизенгаузен все же принял меры к тому, чтобы письмо не дошло по назначению, что, по его словам, и было достигнуто. Никаких явных и тайных административных постов Тизенгаузен у него не занимал, хотя и вынуждался к этому рядом настойчивых предложений самого Унгерна»³.

Что касается содержания письма, на котором настаивал генерал, то в нем выражалось уверение, что Унгерн не имеет агрессивных намерений в отношении Китая и что он борется с революционными элементами и советской властью.

В Урге барону пришлось сыграть еще одну важную роль. Используя свой авторитет и влияние, он оказал посильное участие в защите еврейских беженцев, которым грозила гибель от рук белогвардейских карателей. Его ходатайства перед военной администрацией Унгерна смогли достичь определенного успеха, однако в результате сам Тизенгаузен также едва не стал жертвой расправы по обвинению в пособничестве врагам Белого движения — «либералам» и евреям. Как отмечалось в следственном протоколе, руководствуясь «своеобразной интеллигентской этикой» и «пользуясь некоторыми связями, Тизенгаузену удалось спасти жизнь целому ряду лиц: Витте, Лаврову, Тауэр, Барановскому, Барташевичу и другим. Впоследствии же боязнь расправы со стороны Унгерна с ним за его деятельность заставила его скрываться и выехать из Урги, что он и сделал за семь дней до прихода Красных войск и добровольно возвратился по установлению власти и порядка»⁴.

«Власть и порядок» пришли в Ургу в сентябре 1921 года, а через несколько дней, 16 сентября, Тизенгаузен был арестован чекистами особого отдела 35-й дивизии 5-й Армии. Одновременно также под арест попали другие беженцы и жители русской колонии, не пожелавшие уйти с остатками белых войск: агрохимик и исследователь Монголии П. А. Витте, Б. П. Витте, инженер-мелиоратор В. И. Лисовский, бывший городской голова г. Кяхты Н. Д. Смолев, бывший зав. конторой Центросоюза И. А. Лавров, врач П. Н. Шастин, Ю. В. Жуков, Д. С. Попов, коммерсант Н. Н. Сулейманов, отмеченный как «походный интендант Унгерна», ряд бывших офицеров и другие. Большинство из них были взяты по подозрению в сотрудничестве с белогвардейцами, а другие — как сторонники старого режима или «контрреволюционеры».

Для Тизенгаузена открылась новая полоса жизни, связанная с советской системой, при которой дальнейшее существование подобных ему представителей императорской России становилось серьезным испытанием. В глазах новой власти сановники такого ранга служили олицетворением рухнувшего режима; они стали «бывшими» людьми, отвергнутыми самим ходом истории.

Но для части русской колонии Тизенгаузен оставался весьма авторитетной фигурой. Уже на другой день после ареста в защиту барона было составлено и передано чекистам обращение группы интеллигентов г. Урги в виде поручительства с просьбой о его освобождении. В нем отмечалось, что «российский гражданин Дмитрий Орестович Тизенгаузен действительно находился в г. Урге до прихода отряда барона Унгерна и во время его пребывания в Урге был ходатаем за тех лиц, которые имели

несчастье навлечь на себя подозрения бароновской администрации и эти ходатайства во многих случаях имели успех. Постоянные ходатайства за несчастных сделали в конце концов то, что и он попал под подозрение барону Унгерну, и Сипайлову⁵ было сделано распоряжение о ликвидации нескольких лиц, в том числе и Тизенгаузена. Принимая во внимание деятельность, которую проявил он как ходатай, мы, в свою очередь, ходатайствуем об его освобождении на наши поручи и ручаемся, что он никуда не скроется и явится по первому требованию подлежащих властей...»⁶.

Подписи под обращением поставили 13 человек: председатель старшин Русского Торгового Общества М. Н. Кочеров и предприниматели И. М. Симухин, А. С. Турутанов, И. И. Ли, Д. Д. Селиванов, П. Годчинин, В. Светлов, Ф. Корифиди, А. Шишмаков и другие. Но у чекистов ходатайство не вызвало никакой реакции. Тизенгаузен и еще ряд арестованных были отправлены в Иркутск, в изолятор местного губчека, в распоряжение следственной бригады под руководством начальника губотдела М. Д. Бермана.

Началось длительное заключение, в ходе которого Дмитрий Орестович тяжело заболел тифом и получил воспаление почек с осложнением на сердце, что в итоге значительно подорвало его здоровье. Против него было выдвинуто обвинение по трем пунктам: 1) переход полосы боевых действий на сторону Колчака в 1919 г.; 2) бегство из советской России и переход монголо-китайской границы; 3) оказание активной поддержки Унгерна путем посылки рекомендательного письма китайскому генерал-губернатору на Алтае. Тизенгаузен защищался как мог. Из всех обвинений он принимал только одно — переход военной полосы в 1919 году, объясняя свой поступок необходимостью разыскать жену, чтобы затем вернуться в Петроград. В дополнение к этому он просил привлечь в качестве свидетелей и допросить несколько известных большевиков, отбывавших якутскую ссылку, хорошо знавших о его деятельности на посту вице-губернатора. Свидетелями он назвал Емельяна Ярославского (Губельмана), З. Х. Эренбурга, В. Д. Виленского-Сибирякова, Г. И. Петровского, В. Ф. Поплавко, Громова и Н. Е. Олейникова.

Но чекистское «следствие» не предполагало ни свидетелей, ни адвокатов. 9 декабря 1921 года коллегия Иркутского губотдела ВЧК в составе Бермана, Слонимского, Бебрекаркле, Никифорова, Каруцко и Когана вынесла вердикт: «Обвинение, предъявленное гр. ТИЗЕНГАУЗЕНу Дмитрию Орестовичу считать по всем пунктам вполне доказанным и как истому врагу Соввласти применить высшую меру наказания — РАССТРЕЛ»⁷.

Тем временем в системе советского правосудия уже начались важные перемены. Внесудебные процедуры вынесения приговоров были резко ограничены. Согласно новому порядку, местные органы ВЧК лишились права приведения смертных приговоров в исполнение, в результате чего «дело» барона было передано на рассмотрение более высокой инстанции. Одновременно из иркутской тюрьмы и самого барона переправили в Новониколаевск, поместив в одиночную камеру изолятора при полномочном представительстве ВЧК по Сибири. Здесь следствие практически остановилось. В течение полутора лет не принималось никаких решений, так как внутри системы шло дальнейшее реформирование. Наконец, в октябре 1922 года в результате передачи

большинства уголовно-политических дел от чекистов к ревтрибуналам началась новая следственная процедура с участием прокурора и применением конкретных статей только что принятых Кодексов. Таким образом, появились первые признаки традиционного судопроизводства и первая надежда на положительный исход дела.

На очередных допросах барон вновь поднял вопрос о привлечении свидетелей, которые могли бы внести ясность относительно выдвинутых обвинений. Следователи вынуждены были действовать по закону и сделали соответствующие запросы для нескольких лиц в разных городах. Каждому из свидетелей были поставлены три вопроса: 1) знает ли он Тизенгаузена Дмитрия Орестовича, бывшего вице-губернатора в Якутске в 1916–1917 годах? 2) что известно свидетелю о политической деятельности Тизенгаузена при царизме? и 3) как относился Тизенгаузен к рабочим, ссыльным, революционному движению и к перевороту в феврале 1917 года?

Письменные ответы поступили от трех источников. Первый из них — от Ф. Г. Киселева, управляющего делами ЦСУ Киргизской ССР, знавшего барона по Оренбургу и давшего вполне положительную оценку бывшему вице-губернатору. Однако более важными стали ответы двух самых влиятельных свидетелей — Е. М. Ярославского и Г. И. Петровского. (От других революционеров письменных показаний не было: Олейников умер, Поплавко давал устные ответы на месте, Громов и Виленский не опрашивались.)

Член ЦК РКП(б) и ВЦИК Ярославский в начале марта 1923 года, в частности, так ответил на запрос московского следователя: *«Бывший барон Тизенгаузен был в Якутске, кажется, в 1916–начале 1917 г. Он считался либеральным, говорили, что он «выслан», то есть назначен в отдаленную губернию за либерализм. По отношению к ссыльным он держался прилично, вернее — пассивно (это было самое лучшее). В начале Февральской революции якутские власти тщательно скрывали события, запугивали... (...) Барон явился на собрание, взял слово и заявил, что это счастливейший день в его жизни, когда он ненавистную ему власть передает народному собранию, что он приветствует революцию и т.д. Произошла трогательная сцена, когда барон Тизенгаузен публично обнял тов. Гр. Ив. Петровского и поцеловал его. Из этого факта вы можете видеть, какое отношение было и у Гр. Ив. Петровского...»⁸.*

Спустя 20 дней Ярославский дал еще один, более развернутый письменный ответ непосредственно Новониколаевскому губтрибуналу, повторив некоторые прежние факты: *«Никаких притеснений ссыльных и рабочих со стороны Тизенгаузена не было. Как до прибытия Тизенгаузена в Якутск, так и при нем я и прочие политические ссыльные пользовались известной свободой, живя на частных квартирах, свободно передвигаясь по городу и даже Якутской области в пределах 50–60 верст от города, посещая клубы, спектакли т.д. (...) С получением телеграммы [о февральском перевороте], мы, соц.-демократы, начали устраивать собрания, организовываться... (...) На одно из собраний явился барон Тизенгаузен и заявил, что он рад произошедшему перевороту, что он на стороне восставших, настолько казалось некоторым из товарищей и старых партийных работников искренно, они даже расцеловались с вице-губернатором. (...) После утверждения т. Петровского комиссаром барон Тизенгаузен и др. представители власти без*

сопротивления сдали свои полномочия и выехали из Якутска»⁹.

Председатель ЦИК Украины Г. Петровский в своем ответе был менее многословным и не упоминал «трогательной сцены»: *«По первому вопросу отвечаю, что бывший барон Тизенгаузен (имя и отчества его не помню) действительно был вице-губернатором в Якутске, от которого я принимал власть. Что касается второго вопроса, то в бытность свою вице-губернатор Тизенгаузен к ссыльным относился сносно и особых жалоб на него не было, но при сдаче власти он вначале отказался. При вторичном же требовании сдал и даже после этого предлагал свои услуги по управлению краем. Больше по этим вопросам сказать не могу ничего»¹⁰.*

Эти показания, очевидно, сыграли свою роль в определении судьбы барона. Немаловажным было и то, что к этому моменту изменилась сама система правосудия. Переходная эпоха в основном завершилась, оставив внесудебные формы как исключение лишь внутри ГПУ. Ревтрибуналы прекратили свое существование, их место заняли обычные гражданские суды с узаконенными нормами, и появившийся теперь Новониколаевский губсуд не мог руководствоваться одним лишь «революционным правосознанием». 17 июля 1923 года этот суд под председательством П. А. Предместына вынес наконец законное решение: дело по обвинению Тизенгаузена Д. О. по статьям 60 и 67 УК производством прекратить «за недостаточностью улик» и сдать в архив.

Отбыв таким образом почти двухлетний тюремный срок, Дмитрий Орестович вышел на свободу. Этот срок едва не стал для него трагедией, но он реально добавил к его биографии огромное темное «пятно», окончательно превратив в человека «второго сорта», лишённого политических и части гражданских прав и вынужденного теперь вести странный, неестественный, образ жизни, приспосабливаясь к советским реалиям.

Бывший вице-губернатор и его жена Лидия Александровна остались в Новониколаевске. Дмитрию Орестовичу было предоставлено место на южно-алтайской мельнице, с которого начался его служба в советских учреждениях. Позднее он стал заведующим канцелярией в губфинотделе, а затем — консультантом в Новосибирском окрплане. Оставаясь «бывшим царским чиновником», находящимся на спецучете в ОГПУ, он одновременно теперь приобрел положение «совслужащего».

Тем временем в Новосибирске образовалось своеобразное сообщество, статус которого определялся понятием «социально чуждые элементы» (или «бывшие люди»), высланные в Сибирь из Европейской России или получившие от ОГПУ ограничения по передвижению. В этот круг входили профессор Н. А. Зборовский, доктор Н. А. Щукина, бывший граф (он же учитель иностранных языков) А. Д. Апраксин, профессор и бывший генерал В. Г. Болдырев, бывший сотрудник Приморского правительства (работник Сибкрайсоюза) Н. Б. Колубакин, бывший офицер П. В. Бражников и некоторые другие. Частью этого общества стал также барон Тизенгаузен. Встречаясь обычно по субботам на квартире семьи врача Щукиной, собиравшиеся организовали нечто вроде клуба: пили чай, слушали и исполняли музыку, читали вслух классическую литературу, обсуждали переживаемые события. С определенного момента новым занятием для них стало чтение путевых рассказов постоянного чле-

на «общества» барона Тизенгаузена. Эти рассказы были написаны бароном под впечатлением поездок по районам Новосибирского округа, куда ему приходилось ездить по делам окрплана [6]. Обладая взглядом тонкого и опытного наблюдателя, Дмитрий Орестович отразил в них важные особенности жизни и быта сибирской деревни в советских условиях 1920-х годов. Живым и ярким языком он показал, как применяются в крестьянской среде новые правовые нормы, как внедряются своеобразные принципы самоуправления и выборные начала, какие формы принимают в деревне советские праздники.

В итоге автор сумел отразить ту сторону реальности 1920-х годов, которая не затрагивала ни советская печать, ни литература, а именно то, что процесс «советизации» деревни часто воплощался в карикатурном виде, поскольку для крестьян большевистские новации были либо чужды, либо не понятны по причине невежества и господства традиционных нравов.

Регулярные субботние встречи «социально-чуждых» не могли оставаться незамеченными для ОГПУ. 15 июня 1927 года пятеро участников вечеров — Щукина, Тизенгаузен, Колюбакин, Апраксин и Бражников — были арестованы. В ходе обысков обнаружались и записки барона, которые следствие приобщило к обвинительному заключению в качестве «вещественного доказательства» деятельности «антисоветской группировки». Через два месяца следователи полномочного представительства ОГПУ Сибкрая и прокуроры завершили свою работу. В составленном обвинительном заключении перечислялись основные «преступные действия» арестованных. В нем говорилось, что участники «группировки», *«связанные между собой однородностью своей социальной принадлежности, общностью политического мышления и одинаковостью антисоветского отношения к существующему порядку и проводимым мероприятиям Сов. Власти и Партии, начиная с апреля 1922 года по январь 1927 года, организовали взаимную информацию о текущих событиях как за границей, так и внутри СССР, о деятельности и мероприятиях Правительства СССР, занимаясь критическим антисоветским обсуждением этого в устной и рукописной форме. Информация эта и «беседы» проводились вечером, почти еженедельно, по субботам, под названием «субботников» в квартире ЩУКИНОЙ, которая устраивала таковые под видом гостеприимства с ужинами... На «субботниках» бывали «свои» люди, которых насчитывалось иной раз человек до 30. (...) Но, кроме этого, ТИЗЕНГАУЗЕНОМ всегда читались или рассказывались политические анекдоты, где также в антисоветском извращении подвергались посмешищу Сельский бюджет, Суд, Выбора, Районирование Сибири и др...» [7, с. 362–363].*

После этого «дело» о «субботниках» было передано в Особое совещание ОГПУ. 7 октября 1927 года ОСО вынесло решение: все пятеро арестованных приговаривались к «высылке в Сибирь» сроком на три года по статье 58-5 УК РСФСР.

На положении ссыльного барон, как и другие осужденные, прожил ровно два года. Этот статус означал новые строгие ограничения в правах: запрещалось занятие должностей в государственных учреждениях и свободное перемещение даже в пределах одного региона, вводился контроль за перепиской, контактами с другими людьми и обязанность систематически отчитываться в органе надзора.

В октябре 1929 года в результате очередной амнистии последовало смягчение режима содержания. По решению ОСО при ОГПУ от 1 октября срок ссылки осужденным был сокращен на одну треть с одновременным лишением права проживания в шести городах СССР — Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе и Ростове-на-Дону. Так начался очередной, теперь уже завершающий этап жизненного маршрута барона Тизенгаузена перед последней «встречей» с советскими спецслужбами.

По окончании ссылки барон поселился в Канске Красноярского округа, а позднее переехал в город Красноярск, где получил место экономиста-плановика в краевой конторе «Главконсерв» Наркомата пищевой промышленности. Об этом периоде жизни Тизенгаузена практически не сохранилось сведений, поскольку чекистский аппарат не проявлял к нему особого внимания и не оказывал влияния на его биографию. Известный интерес вновь возник лишь в 1937 году, в ходе Большого террора, выметавшего из социальной среды целые слои людей с разного рода «компрометирующими данными». Дмитрий Орестович был арестован 11 июня 1937 года как «участник контрреволюционного заговора», а в октябре приговорен к расстрелу тройкой управления НКВД Красноярского края. На следующий день, 26 октября 1937 года, приговор был приведен в исполнение. Одновременно также НКВД расстреляло и сына барона, Эрнеста Дмитриевича Тизенгаузена, заведующего физико-математическим отделом Института повышения квалификации. В 1957 г. — отец, а в 1989 — сын были реабилитированы [12, с. 65].

Заключение. В биографии Д. О. Тизенгаузена сошлись драматические аспекты судеб большого слоя жителей России из «верхних» слоев общества и самых различных профессий. В условиях революции и бескомпромиссной гражданской войны эти люди попали в категорию «социально чуждых элементов» и оказались в положении заложников. Избежать трагической участи смогли лишь немногие из них. Большинство, как Д. О. Тизенгаузен, не сумевшие (или не пожелавшие) эмигрировать, были обречены. После 1937 года «бывшие люди» исчезли почти повсеместно, а их имена и поступки были надолго вычеркнуты из общей исторической памяти.

В описании жизненной трагедии Дмитрия Тизенгаузена нашел отражение и такой аспект, который подчеркивает особую роль органов ВЧК-ОГПУ-НКВД в судьбе «социально чуждых». Начав преследовать эту категорию людей в период гражданской войны, большевистские спецслужбы уже не выпускали её из-под контроля. Исползуя меры профессиональной и политической дискриминации, они держали эту группу на положении социальных маргиналов, а к концу 1930-х годов подготовили и провели окончательную её ликвидацию в ходе кампании массовых репрессий.

Примечания

¹ ГАНО. Ф.-Р-1027. Оп. 1. Д. 4. Л. 46 об.

² Современный г. Аягоз (Восточный Казахстан).

³ ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 1. Д. 4. Л. 34-34 об.

⁴ ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 1. Д. 4. Л. 34 об.

⁵ Сипайлов Леонид Викторович — полковник отряда Унгерна, комендант и начальник гарнизона г. Урги, отличался патологической жестокостью в отношении подозреваемых и арестованных, применял пытки. По некоторым сведениям, был арестован в 1921 г. в Маньчжурии китайскими властями

за участие в боях против китайской армии и приговорен к 10 годам каторги, освобожден в 1932 г. Дальнейшая судьба неизвестна (https://www.ria1914.info/index.php/Сипайлов_Леонид_Викторович).

⁶ ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 1. Д. 4. Л. 31.

⁷ ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 1. Д. 4. Л. 35.

⁸ ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 1. Д. 4. Л. 123–124.

⁹ ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 1. Д. 4. Л. 115–115 об.

¹⁰ ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 1. Д. 4. Л. 111.

Библиографический список

1. Петин Д. И., Каминский В. В. Генерал-майор Генштаба Н. Н. Артамонов (1872–1937): биография сквозь призму новых источников // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 274–300.

2. Петин Д. И., Кузнецов Н. А. К биографии А. Э. Розенталя (1887-1941) — боевого офицера российского флота и участника освоения и изучения Арктики в 1920-х–1930-х гг. // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4, № 3. С. 111–130. DOI: 10.31806/2542-1158-2020-4-3-111-130.

3. Петин Д. И. «В борьбе участия не принимал, в генерал-майоры произведен по должности...»: Гражданская война в судьбе А. С. Кондрашева // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18, № 4. С. 124–132.

4. Тизенгаузен Дмитрий Орестович. URL: <https://centrasia.org/person.php?st=1235453069> (дата обращения: 15.01.2023).

5. Папков С., Сергиенко В., Темникова А., Фаликова М. Древо с могучими корнями. (Памяти Дмитрия Орестовича Тизенгаузена) // Голоса Сибири. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. Вып. 1. С. 487–505.

6. Папков С. Красная Сибирь глазами российского дворянина // Голоса Сибири. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. Вып. 2. С. 452–484.

7. Папков С. А. «Социально опасные субботники» барона Тизенгаузена и его друзей // Книга памяти жертв политиче-

ских репрессий в Новосибирской области. Новосибирск: ИД Сова, 2005. Вып. 1. С. 358–360.

8. Папков С., Семенов В. Тизенгаузен (Tiesenhausen) Дмитрий Орестович // Немцы России. Энциклопедия. В. 3 т. Т. 3. П–Я. Москва: ЭРН, 2006. С. 542–543.

9. Долгоруков П. В. Российская родословная книга. В 4 ч. Санкт-Петербург, 1856. Ч. 3. С. 267–277.

10. Тизенгаузен, дворянский род // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 т. Санкт-Петербург, 1901. Т. XXXIII. С. 167.

11. Русский биографический словарь. В 25 т. Т. 20. Суворова — Ткачев. Санкт-Петербург: Изд-во Императорского Русского Исторического Общества, 1912. С. 507–509.

12. Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края. Красноярск: ПИК Офсет, 2009. Кн. 8. 272 с. ISBN 978-5-901533-25-3.

ПАПКОВ Сергей Андреевич, доктор исторических наук, профессор (Россия), старший научный сотрудник сектора общественно-политического развития Института истории Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск.

SPIN-код: 8000-8688

AuthorID (РИНЦ): 76586

Адрес для переписки: sparkov@ya.ru

Для цитирования

Папков С. А. Трагический маршрут барона Тизенгаузена // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8. № 2. С. 88–94. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-2-88-94.

Статья поступила в редакцию 01.02.2023 г.

© С. А. Папков

THE TRAGIC ROUTE OF BARON TIESENHAUSEN

The article is devoted to D. O. Tiesenhausen, a descendant of an old Russian noble family. Describes the main stages of the career and life of the baron as vice-governor of the Orenburg and Vyatka provinces and Yakutsk region. His ideological positions regarding the February Revolution of 1917 and political exile to Yakutia are presented. On the basis of new sources analyzed one of the most dramatic periods of the biography of the Baron, associated with his emigration to Mongolia, stay in Urga and relations with General Ungern.

A separate episode in the life of the former Vice-Governor was his arrest, transportation to Siberia and imprisonment in a detention center. This arrest nearly resulted in the death penalty by decision of the Irkutsk provincial police. The Baron spent the rest of his life under the systematic control of the Stalinist secret services, and his personal tragedy was a typical expression of the fate of most «socially alien» people in Soviet Russia.

Keywords: revolution, civil war, nobility, Baron Tiesenhausen, Urga, Cheka, arrest, OGPU, court, exile.

Reference

1. Petin D. I., Kaminskiy V. V. General-major Genshtaba N. N. Artamonov (1872–1937): biografiya skvoz' prizmu novykh istochnikov [General-Major of the General Staff N. N. Artamonov (1872–1937): A Biography in Light of New Sources] // Vestnik arkhivista. *Herald of an Archivist*. 2017. No. 3. P. 274–300. (In Russ.).

2. Petin D. I., Kuznetsov N. A. K biografii A. E. Rozentalya (1887–1941) — boyevogo ofitsera rossiyskogo flota i uchastnika osvoyeniya i izucheniya Arktiki v 1920-kh–1930-kh gg. [Biography of A. E. Rosental (1887–1941) — a combat officer of the Russian fleet and a participant in the development and study of the arctic in the 1920s] // Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii. *Northern Archives and Expeditions*. 2020. Vol. 4, no. 3. P. 111–130. DOI: 10.31806/2542-1158-2020-4-3-111-130. (In Russ.).

3. Petin D. I. «V bor'be uchastiya ne prinimal, v general-mayory proizveden po dolzhnosti...»: Grazhdanskaya voyna v sud'be A. S. Kondrasheva [«I did not take part in the struggle, I was promoted to General-Major...»: Civil War in the fate of A. S. Kondrashev] // Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2022. Vol. 18, no. 4. P. 124–132. (In Russ.).

4. Tizengauzen Dmitriy Orestovich [Tizengauzen Dmitriy Orestovich]. URL: <https://centrasia.org/person.php?st=1235453069> (accessed: 15.01.2023). (In Russ.).

5. Papkov S., Sergiyenko V., Temnikova A., Falikova M. Drevo s moguchimi kornyami (Pamyati Dmitriya Orestovicha Tizengauzena) [A tree with mighty roots. (In memory of Dmitri Orestovich Tizengausen)] // Golosa Sibiri. *The Voices of Siberia*. Kemerovo, 2005. Issue 1. P. 487–505. (In Russ.).

6. Papkov S. Krasnaya Sibir' glazami rossiyskogo dvoryanina [Red Siberia through the eyes of a Russian nobleman] // Golosa Sibiri. *The Voices of Siberia*. Kemerovo, 2005. Issue 2. P. 452–484. (In Russ.).

7. Papkov S. A. «Sotsial'no-opasnyye subbotniki» barona Tizengauzena i ego druzey [«Baron Tiesenhausen and his friends'» socially dangerous subbotniks] // Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy v Novosibirskoy oblasti [Book of

Remembrance of Victims of Political Repression in the Novosibirsk Region]. Novosibirsk, 2005. Issue 1. P. 358–360. (In Russ.).

8. Papkov S., Semenov V. Tizengauzen (Tiesenhausen) Dmitriy Orestovich [Tizengauzen (Tiesenhausen) Dmitriy Orestovich] // Nemtsy Rossii. Entsiklopediya. V. 3 t. T. 3 (P–Ya) [The Germans of Russia. Encyclopaedia. In 3 vols. Vol. 3. P-YA]. Moscow, 2006. P. 542–543. (In Russ.).

9. Dolgorukov P. V. Rossiyskaya rodoslovnaya kniga. V 4 ch. [The Russian genealogy book. In 4 parts]. St. Peterburg, 1856. Part 3. P. 267–277. (In Russ.).

10. Tizengauzen, dvoryanskiy rod [Tizengauzen, noble family] // Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona V 86 t. [Brockhaus and Efron Encyclopaedic Dictionary. In 86 vols.]. St. Peterburg, 1901. Vol. XXXIII. P. 167. (In Russ.).

11. Russkiy biograficheskiy slovar'. V 25 t. T. 20. Suvorova — Tkachev [Russian Biographical Dictionary. In 25 vols. Vol. 20. Suvorova — Tkachev]. St. Peterburg, 1912. P. 507–509. (In Russ.).

12. Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy Krasnoyarskogo kraya [Book of Memory of Victims of Political Repressions in the Krasnoyarsk Territory]. Krasnoyarsk, 2009. Bk. 8. 272 p. ISBN 978-5-901533-25-3. (In Russ.).

PAPKOV Sergey Andreyevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher of Socio-Political Development Sector, Institute of History, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk.

SPIN-code: 8000-8688

AuthorID (RSCI): 76586

Correspondence address: spapkov@ya.ru

Для цитирования

Papkov S. A. The tragic route of Baron Tiesenhausen // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2023. Vol. 8, no. 2. P. 88–94. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-2-88-94.

Received February 01, 2023.

© S. A. Papkov